

Беляева Дария

**НИ КОЛА
НИ ДВОРА**

УДК 82-3
ББК 84
Б44

Б44 **Беляева Д.**
Ни кола ни двора / Беляева Дария – М.: Литнет, 2025. – 406 с.

ISBN 978-5-521-93420-1

Рите восемнадцать, она живет с родителями в уединенном доме на краю мира и понятия не имеет, что делать с собственной жизнью, спит целыми днями, а когда не спит - мается дурью. Ей все время скучно, Рита переживает семейную трагедию, которой даже не застала, и раздумывает над тем, чокнутая ли она. Так все длится целую вечность, пока в Ритином доме не появляется сумасшедший друг ее отца, отсидевший в тюрьме десять с половиной лет и ищущий просветления.

Абсурдистская трагикомедия про дереализацию, пневмокониоз и катарсис.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93420-1

© Литнет, 2025
© Д. Беляева, 2025

*Мы сентиментальны, когда уделяем какому-то существу
больше нежности, чем ему уделил Господь Бог.
(Джером Сэлинджер)*

Глава 1. Кто же я такая?

В детстве, когда меня спрашивали, кем же я хочу стать, я всегда отвечала, что буду космонавтом, чтобы полететь на Луну, к Жорику. Почему-то я считала, что он живет на Луне. Логично, правда? Тот, кто не живет на Земле, должен жить на Луне. Дети, по большей части, существа очень конкретные.

Я мечтала полететь на Луну и найти Жорика, потому что уже тогда я прекрасно понимала, что если бы мой брат был жив, я бы не родилась. Я представляла себе, через что ему пришлось пройти ради того, чтобы я занималась потом всякой чепухой. Я хотела найти Жорика и сказать ему спасибо. Не за то, что он умер и уступил место мне, не таким уж я была циничным ребенком, честно. Я хотела сказать ему спасибо за то, что я здесь. За то, что я дышу, смеюсь, чихаю. За разные вещи, которых он так и не попробовал, а я попробовала.

В этом смысле я была очень вежливой юной леди. Я хотела поблагодарить его и отправиться обратно на Землю. Мне представлялось, что там, на Луне, очень холодно и сердце превращается в льдышку за шесть секунд. За шесть секунд мне предстояло объяснить Жорику, как это – жить, и не сделать ему больно. Сложная задача.

Ради этого стоило вертеться в центрифуге, или где там вертятся космонавты.

Затем я становилась все старше и старше, папа уверовал в Господа Бога, мама – в кости динозавров и нефть, которой они становятся. Оказалось, что, если Жорик и на небе, то на каком-то другом. Не на том, по которому летают самолеты и, тем более, не на Луне.

А, может, так мама говорила, хотя и посещала с папой церковь, и весьма исправно, Жорика вообще больше нет.

Короче говоря, больше меня в космонавтике, звездах и космических кораблях ничего не интересовало. Планеты, как оказалось, это просто вращающиеся вокруг звезд шары. Ничего интересного, если на них не живут мертвые.

Дальше у меня был период, когда я хотела работать в похоронном агентстве или в морге, может, даже стать патологоанатомом. Я подумала, что, если Жорик все же где-то есть, удобнее всего будет связаться с ним через кого-нибудь, кто отправляется, ну, туда.

И скажет ему спасибо.

Вот что всегда волновало меня больше всего: как сказать Жорику спасибо за мою жизнь?

Была и еще одна вещь, еще одно мое вечное волнение, совершенно ужасное: а вдруг я живу хуже, чем жил бы Жорик. Вдруг Жорик учился бы лучше, а я глупая. Вдруг у Жорика было бы много друзей, а у меня только дядя Женя и Сулим Евгеньевич, да и те скорее общаются со мной по необходимости. Вдруг он был лучше пел, а у меня совсем нет слуха. Или он готовил бы вкусные оладьи, а я обожгла себе руку так, что у меня теперь на ладони огромный шрам. Некрасивый.

Жорик мог быть лучше меня во всем. Он не вырос, поэтому ему было весьма затруднительно разочаровать родителей.

А я? Я умела только задавать вопросы. Не знаю, всю жизнь я казалась себе какой-то поддельной. Нарисованным ребенком вместо настоящего. Субститутотом и паллиативом, который, во всяком случае, знает разные умные словечки.

Я люблю прятаться за умными словами, чтобы никто не понял, какая я глупая и ленивая. А Жорику нечего было бы скрывать.

Вот, даже сейчас, вместо того, чтобы рассказать мою, мою собственную, историю, я снова рассказываю о Жорике. Старые паттерны и узелки.

Жорик умер через два месяца после своего первого дня рождения. Меня тогда еще и в проекте не было. Естественно. Я видела его фотографии – младенец, как младенец. Очень красивый, книжно-киношный, о таких мечтают женщины, поглаживающие надутые животы.

Мама красивая, папа красивый, у них получился очень красивый сын.

Он умер из-за отека мозга, у него случился припадок, первый и единственный. Это потому, что у мамы эпилепсия. Она и родила-то его на восьмом месяце, из-за приступа. Жорик был слабенький, но потом пошел на поправку. Все считали что это чудо, пока Жорик не умер.

Мама как-то сказала:

– Он был такой красивый, разве что мертвый.

У Жорика на могиле гравировка с плюшевым мишкой, там еще надпись: прости, наш хороший. От мамы и папы. Да уж, с Жориком сложно сравниться, но я его люблю.

Понятно же, в какой атмосфере я росла? Всю жизнь мои родители ждали, что я внезапно умру. Жутковато, да? В школу я, понятное дело, не ходила. Мой папа весьма богатый, у него есть мясоперерабатывающий завод, я даже как-то была там. Ужасно пахнет смертью. Представляете, они даже кости превращают в муку? Все идет в дело. От коровы не остается ничего-ничего, ни волосинки, ни пятнышка. Словно ее и не было на свете.

Костную муку папа продает потом на удобрения. У него лучшая костная мука в области, все хвалят.

Моя мама тоже занимается костями – костями динозавров, она

их изучает. Короче, вокруг меня одна только смерть. Об этом я пишу в дайри. Подписчиков у меня много, люди любят такое почитать. У меня же такая драма, ну такая драма. Но я подписана на одну девчонку, которая работает в детском хосписе. И еще на одну (была подписана, вернее) – она умирает от рака. Мне с ними никогда не сравниться.

Теперь вы, наверное, думаете, что мои родители – страшно мрачные люди, все эти кости, мертвые Жорики, но на самом деле – нет. Они самые добрые, солнечные и веселые существа, которых я знаю. Намного веселее меня, всегда в хорошем настроении.

Мама родила меня в девяносто втором году, ей тогда было девятнадцать, а папе – двадцать семь. Ну, так получилось.

В общем, мама еще не старая, как у многих моих знакомых с дайри, она все, более или менее, понимает, песок с нее не сыпется, и она в порядке.

Я похожа на папу, вся в него – рыжая, как он, смеюсь, как он, я даже сплю, как он, мама говорила. У нас похожие глаза, похожие привычки, даже родинки на руках складываются в похожие созвездия. Представляете?

Я люблю своего папу, в этом я не одинока. Его обожают все на свете. Рядом с ним все становятся лучше, он сияет, как золото, и такой теплый, что с ним можно гулять часами даже самой лютой зимой.

Я не знаю ни одного человека, который не любил бы моего папу. Он старается сделать мир лучше для всех, кроме коров. Не знаю, наверное, коровы папу не любят, но они бессловесные бедные твари, и никто не думает о том, как мой папа делает им больно.

Я даже хотела стать вегетарианкой, вроде как получилось бы иронично, но мясо слишком вкусное, а живем мы один раз.

Мой папа всех опекает, к нему ходят с просьбами, с прошениями даже. Он оплатил лечение в Германии сыну уборщицы, у которого нашли лейкоз или вроде того. Потом этот парень даже приходил

к нам на ужин. Моего возраста где-то, я думала, может, у нас с ним что-то получится, но Антон рифмовался очень предсказуемо, и оказался тем еще козлом. Ныне он жив и здоров, иногда написывает мне на мыло, как у него там дела. Еще он лопухий, этот Антон.

В общем, мой папа – сияет и сверкает. В этом смысле он неповторим, никто так не улыбается, как он, и щедрым таким никто не бывает.

Моя мама тоже добрая, просто чаще всего она думает о динозаврах. Больше всего ей нравятся тираннозавры, они свирепые, огромные хищники. Думаю, мама хотела бы быть такой, но она такая няшная и очаровательная, глазастая, больная девочка, даже до сих пор – девочка, с девчачьими острыми плечиками, с девчачьими пушистыми ресницами, без единой морщиночки, с веснушчатым носом. Мама просто прелесть, она собирает волосы в самый высокий в мире хвост и рисует-рисует-рисует кости динозавров.

В весьма узкоспециализированном мире палеонтологов мама весьма известна. Она пишет длинные статьи сухим языком, которого от нее совсем не ждешь. Иногда (с годами все реже и реже) у мамы случаются приступы, тогда она падает и страшно трясется, но я уже научилась с этим жить и знаю, что в девяноста процентах случаев это совсем не страшно, просто выглядит ужасно, но проходит быстро и без последствий.

Мама с папой друг друга обожают, они оба ужасные чистюли и любят дурачиться. В детстве, когда меня спрашивали о моих родителях, я говорила, что больше всего на свете они любят чистить зубы.

Разве не логично? Что делают чаще всего, то и любят.

Такие у меня родители. А я-то какая?

Нет, расскажу еще про дядю Женю. Он, конечно, говорит называть его дядей Джеком, но пошел он. В принципе, мы друзья, если с ним вообще можно дружить. Так-то дядя Женя (слава Богу!) живет в Москве. Там он гоняет на желтой спортивной тачке («Ягуар» или типа того) и занимается непонятно чем.

Раньше мы тоже жили в Москве, но десять лет назад папа решил перебраться поближе к заводу. С тех пор ближайший к нам относительно большой город – Верхний Уфалей. Ну, знаете, никелевый город в вечной депрессии.

Не так далеко, даже из окна дома его видно – городок Вишневогорск. Это же называется моногород, когда одно предприятие дает работу большей части населения. Вот, Вишневогорск как раз располагается вокруг папиного завода. Людям там повезло, потому что никелевое производство в упадке, все закрывается, а папин комбинат – стоит, маленький, но гордый мясокомбинат, затерянный среди суровых металлургических заводов.

Так вот, Вишневогорск я все время вижу из окна, трубы его котельной, красно-белые и радостные, торчат и выпускают клубы пара зимой, торчат и молчат летом, я вижу их каждый день и совершенно с ними сжилась, словно они – часть меня.

Раньше я думала, что это трубы папиного завода, потому что завод ассоциируется с трубами, разве нет? Я очень удивилась, когда папа объяснил, что трубы не имеют к его мясокомбинату никакого отношения, что это часть отопительного комплекса или вроде того. Теплостанция. Еще я удивилась, что в Вишневогорске вообще что-то есть, кроме папиной бойни. Откуда?

В Вишневогорске я была только один раз, но мало что помню. Мы тогда только приехали, все было новым и странным, особенно запах крови на мясокомбинате.

В Верхнем Уфалее я не была никогда.

Немножко была в Челябинске, но только в аэропорту.

Зато я хорошо знаю Москву, Биарицц и Сорренто. Туда мы летаем каждый год, раз в Биарицц и раз в Сорренто. Это все очень полезно для здоровья. Папа у меня помешан на здоровье, он бывший спортсмен. Все время говорит, что мог бы стать олимпийским чемпионом, у мамы в этот момент такое выражение лица, что я даже верю, хотя я и в принципе верю в своего папу.

Соседей у нас нет и не предвидится. Даже моим учителям необходимо было жить в Вишневогорске, чтобы до меня добираться, но папа платил такие деньги, чтобы год жизни (мало кто держался дольше) не казался им прямо уж потерянными.

Дольше всех продержался Сулим Евгеньевич, мой репетитор по английскому. Думаю, ему просто было все равно, где и как жить, а деньги он тратил раз в год, где-то за границей закупаясь брендовым шмотьем. Все остальное время Сулим Евгеньевич пребывал в жестокой депрессии, почти как Верхний Уфалей.

Вот и все. Есть еще тетя Тоня, кухарка, тетя Люся, горничная, и тетя Катя, дура. Раньше она, правда, была моей гувернанткой, я, вроде, выросла, даже достигла совершеннолетия (вот совсем недавно), но папа оставил тетю Катю на непонятной ставке, потому что у нее две дочери, которым надо оплачивать универ и муж-мирака, который все никак не откинется. Еще есть бесчисленные дяди-охранники и дяди-водители, этих даже считать не берусь.

В общем, я думаю, что я одинокая. Нет, конечно, я общаюсь со сверстниками по интернету или за границей. У меня есть настоящие друзья по переписке – Сильвия, Рафаэль, Мишели (девочка и мальчик), с которыми легко практиковать английский и которым просто рассказывать про свою жизнь.

Но в целом, я думаю, что я – куколка, из которой должна выйти, в конечном итоге, бабочка. Или какая-то фигня, не знаю. Куколка никогда не уверена в том, что она становится бабочкой, правда? Иначе все было бы слишком просто.

Счастлива ли я?

О да. Думаю, в рейтинге счастья по Челябинской области я – в верхней строчке.

В конце концов, мне ужасно повезло с родителями, с деньгами и со всем таким. Я в жизни не сталкивалась с большинством проблем жителей Вишневогорска и его окрестностей. Во многих случаях и представить себе таких проблем не могла. Я жила

в стеклянной банке, в аквариуме, пока они барахтались в открытом море, синем и злом.

Мне нравилось, что я какая-то другая, чем-то отличаюсь от тех, кто меня окружает. Так я чувствовала себя лучше, чувствовала, что я особенная.

Мне и сейчас нравится думать, что у меня странная семья. Что я сама странная. Здорово быть кем-то всегда новым, всегда удивительным. Я хотела бы быть еще более странной, может, какое-нибудь уродство вроде заячьей губы, например.

Но все заканчивается. Вот, например, школа. Помню день, когда я сдала в Москве последний экзамен, самый сложный, по алгебре. Мы с родителями пошли тогда в «Баскин Роббинс», и папа заказал каждому по ведерку мороженого, мне – с печеньем. Мое любимое. Но почему-то я ковыряла розовой ложкой в мороженом и думала: я больше не школьница.

Мама спросила меня:

– Ритуля, так куда ты думаешь поступать?

Они смотрели на меня сверкающими глазами, и я поняла – радуются и грустят, ведь меня пора отпускать во взрослую жизнь. Я больше не ребенок, у меня нет никаких припадков, я не умру, а значит мне надо жить. Они в последнее время так и говорили: Рита, надо больше общаться, Рита, займись чем-нибудь, Рита, тебе пора социализироваться, нельзя провести всю жизнь в своей комнате.

Если честно, я расстроилась.

Я бы так и провалялась всю жизнь в моей чердачной комнате с треугольным окном, в теплой кровати, просто глядя в потолок.

Я молчала. Папа засмеялся:

– Ну, я так понимаю с людьми ты на работе взаимодействовать не очень хочешь.

– Можно взаимодействовать с предметами! – сказала мама.

Они переглянулись и засмеялись, папа посмотрел на меня с улыбкой, подмигнул мне.